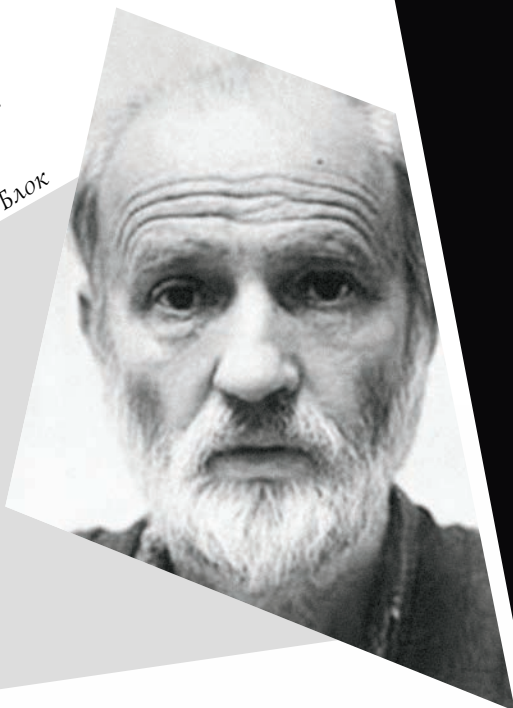

Виктория Алейникова

Рожден, Чтоб сказку сделать

«О, я хочу безумно жить,
все сущее увекочечить,
безликое вочеловечить,
несбывшиеся воплотить».
Александр Блок

JAN SVANKMAJER

Чего ожидать от чешского режиссера Яна Шванкмаера, никто никогда не знает. Его необузданная фантазия каждый раз играет шутку со зрителем. За сорок с лишним лет Шванкмаер снял более двадцати мультипликационных и художественных фильмов, которые не раз получали премии. Его магический реализм со временем не потускнел. Не стал ни менее реальным, ни менее сказочным.

Гофман современного кинематографа

Например, последний фильм Шванкмаера «Полено», где главным героем стал выкорчеванный корень дерева. Этот фильм словно вклеил в современную действительность старую народную сказку про излишне прожорливого мальчика, родившегося из полена. Жили-были в Праге муж да жена, и не было у них детей. Однажды супруги проводили уик-энд на даче и пан, выкорчевав из земли пенек, обнаружил внешнее сходство полена с ребенком. Полено решили усыновить, а чтобы любопытные соседи не подумали чего плохого — выносить его, как положено, и родить. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Отесанек («бревно», «полено» в переводе с чешского) появился на свет раньше срока, и с первых же дней стал проявлять неумеренный аппетит. Скоро ему уже не хватало детского питания, и он съел кошку, потом проглотил почтальона, сожрал социальную работницу и двух детективов, а потом пришла очередь родителей. Тайну Отесанека разгадала ученица младших классов Ожбетка, прочитавшая народную сказку про бревно-обжору, и выяснившая, что умереть ему предстоит от мотыги старухи, выращивающей во двореке капусту.

В русском переводе фильм иногда называют «Мальчик-с-пальчик», намекая на сходство с русской народной сказкой про бездетных старичков, смастеривших себе мальчика, который ожил. «Полено» вызывает полный спектр эмоций — от восхищения до отвращения и желания немедленно остановить этот беспредел. Шванкмаер воспринял традиции немецкого романтизма, Гофмана. Еще истоки его кино уходят очень глубоко в народные предания. Однако его называют также последним сюрреалистом уходящей эпохи. Это, конечно, не «холодный» сюрреализм Бунюэля или Бертрана Блюйе. Скорее, есть сходство с сюжетами французского писателя Бориса Виана, у которого обычные вещи оживали и испытывали человеческие эмоции (и имели естественные отправления). Лиричная проза Виана проецировала оттенки переживаний на стулья, рыб, людей, цветы, камни... Другой пример: магический реализм Маркеса.

Но к чему искать параллели и совпадения? Все равно режиссер Шванкмаер уникален. В его работах иногда главенствующая роль принадлежит анимации, и провести грань между анимацией и кинематографом становится так же трудно, как провести грань между реальным и ирреальным, или съедобным и несъедобным. Причем анимация у Шванкмаера порой эмоциональна, а порой даже дидактична.

Например, в мультипликационном фильме «Мужские игры» Шванкмаер показывает, как среднестатистический чех, попивая пиво и жуя печенье, смотрит по телевизору футбольный матч. Выпивая бутылку за бутылкой, он наблюдает, как на поле пластилиновые футболисты убивают друг друга самыми изощренными способами: бьют молотками, прокручивают через мясорубку, как фарш, разрезают ножницами. При этом на лице болельщика не возникает никаких эмоций. Даже когда, играя, оставшиеся футболисты вместе с судьей переносятся прямо к нему в квартиру и начинают добивать друг друга прямо за его спиной, болельщик остается бесстрастным и сетует только на отсутствие пива. Последнего нападающего он с удивлением обнаруживает прилипшим к своим штанам...

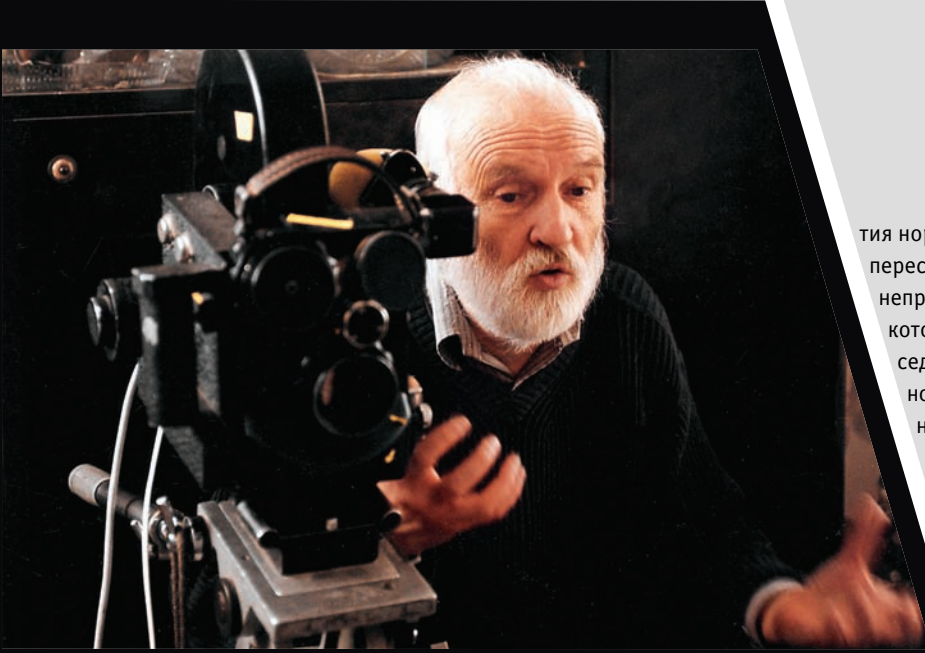
В плену страстей

Страсти и жестокость человека всегда остаются основным объектом изучения Шванкмаера. И здесь он вновь и вновь использует анимацию. Режиссер вплетает ее в текстуру кинокартин, и подчеркивает с ее помощью эмоциональные краски и порочность человеческих страстей. А пороки и извращения его героев не имеют границ.

Самой известной картиной Шванкмаера стали «Заложники сладострастия». Наделяя каждого своего героя каким-то весьма изощренным пороком, Шванкмаер будто бы говорит: смотрите, у каждого из нас своя гадкая индивидуальность, прячущаяся за альбомами марок и фотографий, притаившаяся за дверьми холодильников, поджидаящая в платяном шкафу, все мы по-своему безумны, поня-

Little Otik
(Otesánek)

тия нормальности нет в принципе. Истории героев ленты постоянно пересекаются: в лавку продавца порножурналов частенько заходит неприметный мужчина, дома тайком мастерящий голову петуха, которую потом наденет себе на голову и будет клевать свою соседку, разрывая на ней одежду. А сам владелец лавки в свободное время паяет какие-то микросхемы, создавая целый домашний кинотеатр для того, чтобы в деталях рассмотреть диктора городских новостей и заняться с ней виртуальной любовью. Ведущая новостей, в свою очередь, не может устоять от желания опустить в таз с карасями свои тонкие пальцы, чтобы рыбы пососали их кончики, и с тоской смотрит на своего усатого соседа, который любит, закрывшись в сарае, охаживать себя щетками, кастрюлями и терками. А почтальонша, обслуживающая весь этот сумасшедший квартал, ежедневно раскатывает из хлеба тысячи маленьких шариков, и перед сном через трубочку засасывает их в мозг...

В «Полене», о котором уже шла речь выше, Шванкмаер продолжает галерею фриков и извращенцев: папа Ожбетки, раб рекламы, с гастрономическим вожделием наблюдает ролики, изображающие поедание конфет, вермишели и колбасы. Пан Жлабек, тот самый педофил, которого Ожбетка скормила Отесанеку, то и дело хочет потрогать девочку за полненькие ножки и периодически теряет сознание от избытка эмоций. В его штанах при виде Ожбетки будто бы начинает копошиться какая-то проворная рука. С любовью, граничащим с патологией, любитесь на свои «бахчевые» старушка, погубившая разбушевавшееся полено. Кажется, что она готова убить любого, кто позарится на ее сельскохозяйственное добро. Так под пристальным оком камеры Шванкмаера невинные увлечения принимают фантазмагорическую форму и могут привести к самым brutальным последствиям.

И чайник сказал утюгу: я больше идти не могу

Шванкмаер — все-таки дитя своей эпохи, он рос в годы «развитого социализма» в подконтрольной Советскому Союзу Чехословакии. Режим наложил свой отпечаток на творчество режиссера (как повлиял он и на писательскую манеру другого знаменитого чеха, Милана Кундеры). Шванкмаер часто рисует бессмысленную повторяемость одного и того же действия, необратимость порочного круга, за пределы которого невозможно выбраться.

В анимационной ленте «Смерть сталинизма в Богемии» режиссер показал, как из Сталина слепили чешского диктатора Дубчека, и как потом все те же анонимные руки поставили на поток лепку пластилиновых человечков, весь удел которых заключался лишь в том, чтобы пройти несколько стадий конвейера и потом упасть в общий плавильный котел и превратиться в основу для создания очередных пешек. Подобную повторяемость Шванкмаер переносит из картины в картину как наваждение, от которого не избавила даже смена режима.

В более поздней короткометражке «В подвал» зритель увидел, как в темном подвале старуха печет пирожки из угля, которые затем снова замешивает в тесто, и так до бесконечности. В героях «Полена» — те же следы прошлого (например, любопытство к другим, граничащее с доносительством). Это прошлое словно переселяется в вещи, и они вдруг получают необыкновенную власть над людьми, становясь фетишами.

В короткометражке под названием «Быт» домашняя утварь оживает и начинает вести войну с хозяином квартиры. Человек словно уменьшается и превращается в маленького загнанного зверька под натиском утюгов и сковородок. И в споре быта с человеком последний у Шванкмаера, как правило, проигрывает.

Фильмы чешского режиссера ассоциируются с тем, что писал Валерий Брюсов о Тютчеве. Брюсов говорил, что Тютчев четко разделял мир идей и мир вещей, но между жизнью и смертью, днем и ночью, черным и белым любил переходные состояния, во время которых в буквальном смысле прозревал.

Шванкмаер одинаково относится и к картофелине, и к человеку, создавая альтернативное пространство, неожиданный микромир. Погружаясь в него, чувствуешь себя как Алиса в Стране Чудес или девочка из русской народной сказки, которую печка угощала пирожком, а яблоня вызывалась прятать от погони.

Остается ждать от Шванкмаера новой порции чудес...

JAN SVANKMAJER